

УДК 821.161.1

Д.С. ПОГА

(*droga@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В. ТОКАРЕВА О «СЕРДЕЧНОЙ» ЖИЗНИ СВОИХ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ «МОИ ВРАГИ»

В аспекте «рациональное и эмоциональное» исследуется феномен «сердечной» жизни персонажей повести В.Токаревой, в мировосприятии которых христианские ценности постепенно гармонизируют представление о мире и человеке в нем.

Ключевые слова: *автор, герой, персонаж, характер, «женская» проза.*

Повесть В.Токаревой «Мои враги» привлекает внимание прежде всего своим экспрессивным названием, передающим авторскую интенцию. Заглавие, отличающееся эмоциональной насыщенностью, указывает на преобладание чувственного начала в мировоззрении повествовательницы. Коннотация слова «враги» имеет ярко выраженную негативную окраску: в словаре В.И. Даля «Враг – это ... неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец...» [4, с. 258]. Можно предположить, что заглавие повести формировалось под влиянием творчества А.П.Чехова, чьей последовательницей считает себя В. Токарева: «Я родилась с дискеткой писательницы, а Антон Павлович Чехов нажал нужную кнопку». Конечно, Токарева знакома сего рассказом «Враги» (1887), т.к. именно это произведение И.А. Бунин назвал одним из «совершенных в его творчестве» [2, с. 243].

В чеховском рассказе, небольшом по объему, но включающем в себя подробное описание резких переходов героев из одного эмоционального состояния в другое, автор показал читателям, что такое «эгоизм несчастных» [11, с. 42], который заставляет человека враждовать со всем миром. Кирилов, бедный доктор, только что потерявший единственного сына, после долгих колебаний решается исполнить свой долг – поехать «спасать жизнь человеческую» жены богача Абогина. Врач поступает так позову совести, а отнюдь не из-за осознания материальной выгоды, которую может получить от посетителя, производящего, на первый взгляд, впечатление «сытости, здоровья и апломба». Нои Абогин по-своему несчастлив. Обеспокоенный состоянием здоровья супруги, он едва ли не с мольбой просит доктора о помощи: *Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их* [Там же, с. 36]. Оказавшись в глупой ситуации – жена Абогина обманула его, прикинувшись больной, чтобы «бежать с этим шутом Папчинским», доктор чувствует себя оскорбленным и вовлеченным в театр, ведь «низко и подло играть так людьми». Расставшись взаимными врагами с Абогиным, страдающим от предательства жены, Кирилов стал ненавидеть «всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами» [Там же, с.43]. С горечью автор в финале рассказа пишет о том, что до самой смерти врач сохранил «убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца».

Драма двух «врагов» заключается в том, что они не смогли выслушать друг друга, не попытались понять. И.Н. Сухихотмечает, что «творчество Чехова можно, пожалуй, назвать энциклопедией духовных исканий эпохи – мысль об отсутствии объединяющей “общей идеи” в современной действительности приобретает статус объективно доказанной истины» [9, с. 103]. Кирилов и Абогин сконцентрированы исключительно на своем личном горе, поэтому не могут допустить мысли, что чье-то несчастье может быть сильнее и глубже собственного. Чехов, со свойственным ему художественным тактом, сочувствует обоим героям и приходит к мысли, что «не соединяет, а разделяет людей несчастье» [11, с.42].

В. Токарева в своей повести «Мои враги» (2007), с одной стороны, продолжает следовать традиции Чехова, вызывающего к необходимости взаимопонимания и сострадания, а с другой, обновляет ее в новом столетии и смещает акценты: в заглавии заложена мысль о личной ответственности каждого за

состояние жизни общества. При этом она сознательно уводит читателей от понятия «классовые враги», которое в течение десятилетий присутствовало в общественном сознании.

Возможно, она отталкивается от Горького, современника и «коллеги» по литературному творчеству. В центре его пьесы «Враги» (1906) – непримиримый конфликт классовых интересов рабочих и их хозяев. Если первые являются обладателями «хорошей души», носителями истинных нравственных ценностей – справедливости, искренности, то вторые эгоистичны и поступают, исходя только из прагматических целей. Так, на просьбу рабочих уволить жестокого мастера Дичкова, Михаил Скроботов не соглашается с их доводами, потому что «уступки их развращают» и издевательски называет рабочих «подлецами» и «нахалами» [3, с. 490]. Полина Бардина, жена владельца фабрики, прямо говорит о том, кем для буржуазного класса являются служащие: *Они всегда – враги! Нам все враги! Все завидуют...и поэтому бросаются на нас!* [Там же, с. 531].

Идея классовой борьбы долгие годы владела умами наших соотечественников. Неудивительно, что, «проживая в стране, специализировавшейся на разоблачении разнообразнейших разновидностей врагов (от русских патриотов до безродных космополитов), советские авторы и героев своих наделяли соответствующей установкой. Даже вполне симпатичные авторы вполне симпатичных героев» [5, с.231].

Виктория Токарева, опираясь на опыт предшественников, обратившихся к этой теме, решает внести свой голос, выступая с позиций нового времени. Ее новаторством стало то, что в своем заглавии, обращаясь к противникам, она делает акцент на слове «мои», чего не было во «Врагах» Чехова и Горького. О. Славникова подчеркивает, что подобное стремление «“стягивать” на себя мировое одеяло» является характерным для авторов «женской» прозы [8, с. 174].

В повести «Мои враги» используется перволичная повествовательная форма, которая создает атмосферу максимально доверительных отношений между читателем и автором. Примечательно, что читатель остается в неведении, как зовут и как выглядит главная героиня, от лица которой ведется изложение истории, тогда как каждый из врагов обладает именем и индивидуальным портретом. Такое сознательное умалчивание важнейших характеристик формирует в сознании обобщенный образ, вмещающий для многих судеб и позволяющий «примерить» сюжетную ситуацию к себе (есть ли у меня враги?).

Повесть открывается списком врагов: *Однажды утром я села к письменному столу, взяла листок бумаги и написала сверху: мои враги, среди которых оказались: Анька – моя домработница. Танька – жена моего отца. Ванька – мой сосед по даче* [10, с.3]. Многозначительно, что «врагами» оказываются «самые близко стоящие люди». Повествовательница записывает их в стан противников, руководствуясь не рациональностью, а опираясь исключительно на свои ощущения. Так, неприязнь к Аньке основывается на ревности, «которая пробуждает такие фундаментальные эмоции, как страх и гнев» [6, с. 422], ведь она «любила мою внучку неземной любовью, а та отвечала ей тем же» [10, с. 5]. Вторжение постороннего в личное пространство всегда воспринимается как опасность, поскольку чужой способен забрать все внимание близкого человека. Даже тот факт, что, «уходя на выходной в семью своей сестры, Анька выгребала половину моего холодильника», не стал главной причиной конфликта – убыток в материальном плане несопоставим с изумлением от тех всплесков любовных эмоций, которые адресовались маленькой внучкой не бабушке, а домработнице. Повествовательница предпринимает шаги к «примирению», даже показывает Аньке свою картину (она художница), но та лишь дважды «дернула плечом», ясно давая понять свое пренебрежительное отношение к труду хозяйки. Очевидно, что различие социальных ролей, материального достатка и принадлежности к разным видам деятельности – интеллектуальной и физической, сделали обеих бесконечно далекими. Тем не менее, Анька «была своя» в этом доме благодаря искренности и сердечной привязанности к маленькой подопечной, разрыв с которой стал ощутимым для нее ударом. Столкновение «ума ума» и «ума сердца» обнаруживается в драматическом моменте, когда Анька вернулась забрать свои вещи и навсегда покинуть ставший

родным дом, где в ее услугах больше не нуждалась подросшая девочка: *Она была напряжена, боялась, что я не отдам ей свои подарки* [Там же, с. 40]. Несмотря на всю горечь расставания, домработница, как кажется ее хозяйке, рассуждает предельно прагматично.

На самом деле, домработнице не подарки дороги: дорога девочка, которую она помогала растить, поэтому «ее лицо скрючилось в страдальческой гримасе», а во взгляде возникло «что-то, не имеющее слов». Именно такая реакция позволяет сделать вывод, что в оппозиции «сердечного» и «головного» в Анькином восприятии доминантой служит понятие «осердеченный ум» [1, с.59]. Он подразумевает наличие не только сугубо эмоционального, но и рационального в мотивации поступков и логики действий героини, поскольку ее чувства не существуют отдельно от разума, но ум анализирует и оценивает в первую очередь не логические выкладки, а выводы, сделанные сердцем.

Повествовательница, осознав, как тяжело проститься с человеком, который на протяжении долгого времени заботился о твоей семье, пожалела свою домработницу, «переключив» свои чувства с ненависти на сострадание. Подобный эмоциональный поворот происходит и в отношениях с Танькой, когда обе лишаются предмета своего соперничества: одна – отца, другая – мужа. Долгое время между ними «шла непрерывная борьба за власть» [10, с. 46], не дававшая им понять друг друга. Ревность к отцу способствует критическому и искаженному восприятию всего, что связано с Танькой, поскольку эмоциональное восприятие главенствует над рассудочностью. Однако даже личная неприязнь неспособна умалить внешние данные противницы – «похожа на Мэрилин Монро, но лучше». Повествовательницу поражает то, что цель Танькиной жизни – сосредоточенность исключительно на материальной стороне жизни и изумляет, что даже ее, родную дочь, подозревают в том, что от отца нужны только «деньги, дача или лауреатские возможности: больницу, путевку в санаторий» [Там же, с.11]. Только потеря близкого человека дает возможность рассмотреть друг друга двум некогда яростным соперницам. Общая трагедия позволяет понять, что Танька своими материальными заботами «выражает себя через любовь к ближнему». Ушедшую в себя и окунувшуюся в свое горе Таньку спасает только мысль о том, что Саше, внучке покинувшего этот мир, «похожей на него как две капли воды», нужна родная бабушка. Обретя новый смысл существования, вдова отца понимает, что ее «любовь и служение» нужны кому-то, а раз есть новая цель, то придется снова заняться «материальным»: *Жажда жизни просыпалась в Таньке вместе с жадностью* [Там же], – чуть насмешливо, но уже без ненависти констатирует бывшая соперница.

Что касается третьего «врага» – соседа Ваньки, то читатель судит о нем на основе выявленных повествовательницей недостатков – ушлости и расчетливости. О них «свидетельствовал забор» [Там же, с. 22], ставший причиной конфликта соседей по дачному участку. Однако потеря метров земли не так влияет на отношение к Ваньке, как личная обида и перенесенное унижение: *а я стою с открытым ртом - нелепая и неповоротливая, как снежная баба с ведром на голове* [Там же]. Долгое время повествовательница горела желанием: *Я жила и грезила наяву: вот приеду на дачу, а Ваньки нет* [Там же, с.23]. Однако оно обернулось непредсказуемыми последствиями. Ванька продал дачу и исчез из поля зрения. А новые «соседи любили компании, жрали водку, скандалили и даже дрались». Хозяин участка, «тот самый браток, которому задолжал» Ванька, демонстрирует свою власть и уверенность в безнаказанности жестоким поступком – простреливает лапу пса главной героини, которая понимает, что с подобными людьми «лучше не связываться», и мечтает, чтобы к ней вернулся «покой», и «черт с ним, с забором».

Повествовательница каждый раз, говоря о своих врагах, судит о них с «сердечной», а не с «умственной» позиции, поскольку ее эмоции преобладают над рассудком. В ходе саморефлексии она осознает, что боролась не с реальными людьми, а со своими же грехами. В ее отношениях с врагами были и зависть – например, к отношениям няни и внучки, и гордость за свою работу, и гнев даже при одном виде Ваньки, и ревность к отцу. Однако после исчезновения врагов приходит понимание, что «зло сушит душу, убивает талант, <...>, рвет сердце...» [Там же, с.40], заставляя видеть окружающих только с

негативной стороны, не обращаясь к собственной душе и своим недостаткам. А ведь истинное счастье, как оказалось, заключается как раз в том, чтобы «любить ближнего. И никого не ненавидеть». Именно «сердце», которое, по определению Е.Ф. Манаенковой, «способно «помнить», «ожидать» и даже «думать» [7, с.94], укрепляет в сознании автора-повествователя и читателей мысль о том, что душевное благородство и подлинная искренность чувств имеют поистине спасительное значение.

Литература:

1. Буланов А.М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой): монограф. Волгоград, 2003.
2. Бунин И.А. Памяти Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
3. Горький М. Полн. собр. сочин. в 25 т. Т.7. М.: Изд-во Наука, 1970. С. 485–564.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978.
5. Есаулов И. Сатанинские звезды и священная война // Новый мир. 1994. №4. С. 224–239.
6. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 2003.
7. Манаенкова. Е.Ф. Опыт анализа жизни «сердца» в южных поэмах А. С. Пушкина («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы») // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2004. № 3.
8. Славникова О. Та, что пишет, или Таблетка от головы // Октябрь. 2000. №3. С. 172–177.
9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. Л., 1987.
10. Токарева В.С. Мои враги: [сб.] М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 3–51.
11. Чехов А.П. Полн. собр. сочин и писем в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1976. С. 30–42.

POGA D.S.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

V. TOKAREVA ABOUT «HEART» LIFE OF HER HEROES IN THE STORY «MY ENEMIES»

We analyze the aspect of “rational and emotional” in “heart” life of characters in the new story by V. Tokareva, where the Christian worldview values gradually harmonize understanding of the world and man in it.

Key words: author, hero, character, «women's» prose.